

Дальние родственники

ПРОГУЛКИ ПО ЯРОСЛАВЛЮ

Почерк уникального скульптора Эрзы, судьбой и размахом таланта мне всегда напоминающего Конёнкова, никому не даст равнодушно пройти мимо этой работы в нашем художественном музее (на нижнем снимке). Я тоже её прекрасно помнила. Но да простят меня искусствоведы, шла к Лебедевой в надежде получить ответ на простой вопрос – был ли Максимилиан ещё одним из братьев Несытовых? Ведь в семье Мильто говорили только о двоих – Борисе и Георгии.

Татьяна Альбертовна Лебедева сразила наповал. К моему приходу была приготовлена распечатка информации о всех Несытовых: отце, матери, пятерых дочерях и четырёх сыновьях. Всё, что она «накопала» в 1980–1990-х годах, когда занималась исследованием «Женщины в шляпе»: она тогда работала в Центральном государственном архиве литературы и искусства, поднимала материалы научного архива Ярославского художественного музея, встречалась и несколько лет переписывалась с ещё живыми тогда членами семьи и их потомками из разных городов страны.

Младший из братьев (на снимке) Максимилиан (1888 – 1910) родился и умер в Ярославле. Как

друзей ярославский художник М. К. Соколов позже вспоминал Максимилиана в частном письме так: «Был очень талантлив, имел большой успех как скульптор, и многие собратья в Москве имели его вещи, приобретённые с ученической выставки Школы живописи... Замечательный и самый живой из всех нас – несмотря на грустные глаза. Умница и забавник на редкость. Увы, лучшие уходят иногда слишком рано».

В год его безвременной гибели в 1910 году в Ярославле состоялась посмертная выставка.

К несчастью, почти всё наследие Максимилиана погубило во время июльских событий 1918 года. Его скульптуры сберегли и передали в 1926, 1928 и 1930

годах в музей родные и друзья. Первым принёс работу брат – врач Георгий Владимирович Несытов, это была скульптура «Ужас». Работы «Отчаяние» и «Страсть» – дар Ф. И. Панкова, «Последний поцелуй» подарила музею сестра Макса Наталья Владимировна, в замужестве Жуковская, дольше всех оставшаяся в родном доме на Которосльской набережной.

А умер Макс на руках у другой своей сестры – Анны. Его фотография всю жизнь потом висела у неё над столом. По утверждению родных, именно она послужила моделью скульптору Эрзе для «Женщины в шляпе».

Макс и Анна очень дружили

губернанткой и одновременно училась в художественной школе. Познакомилась там же с будущим мужем, вышла замуж и переехала в Москву. Он окончил университет, агроном, она училась в Строгановском художественно-промышленном училище...

По данным Татьяны Альбертовны, два скульптора, один уже известный С. Д. Эрзя, другой начинающий – Макс Несытов, могли встретиться в Москве в 1906 году. В 1910 году, в год смерти Макса, его скульптурные работы и «Женщина в шляпе» уже находились в доме Несытовых.

– Если учесть, что Эрзя уехал в Италию в 1906 году, а никто из Несытовых за границу не выезжал, то можно предположить, что портрет дамы в шляпе выполнен в России не позднее 1906 года. В пользу этого говорит и костюм модели, выполненный эскизно, но хорошо читающийся, явно продиктованный модой 1905 – 1906 годов.

Я слушаю Татьяну Альбертовну и думаю: всё так! Когда лично я узнала, что моделью для Эрзы послужила, возможно одна из Несытовых, то не то чтобы не удивилась, а поверила в это сразу. К тому времени я уже насмотрелась фотографий на стекле. Кроме всего прочего их можно назвать демонстрацией моды 1900-х годов. Какие пальто, платья, но главное – шляпы! Огромные, замысловатые, но не аляпистые, а сделанные с большим вкусом они, бесспорно, были любимой принадлежностью костюма несытовских дам.

Эрзя как художник не мог не обратить на это внимания когда познакомился с сестрой (или сёстрами) своего молодого коллеги. Но как мужчина не стал сосредотачиваться на деталях: «снять фасончик» с головного убора «его» дамы вряд ли удастся. Для него, как приверженца импрессионизма, главным было передать впечатление. Дама в шляпе – это особая посадка головы, поворот шеи, даже осанка у женщины, надевшей красивую шляпу, становится другой.

В личном фонде С. Д. Эрзя в Государственном архиве Мордовии в городе Саранске Татьяна Альбертовна отыскала почтовую карточку с фотографией его мастерской. Кроме всего прочего на ней есть скульптура сидящей женщины – в рост, почти в натуральную величину. Бюст из собрания Ярославского художественного музея оказался идентичным верхней части этой скульптуры. И тут, и там безупрочно.

ФОТО ИЗ СЕМЕЙНОГО АРХИВА.

и все, зарегистрирован и крещён во Власьевской церкви, учился в губернской классической гимназии и в городских классах рисования. С 13 лет участвовал в

и Все, зарегистрирован и крещён во Властьевской церкви, учился в губернской классической гимназии и в городских классах рисования. С 13 лет участвовал в ярославских художественных выставках.

В 1905 году поступил в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. Занимался по классу скульптуры у П. П. Трубецкого и С. М. Волнухина, у которого чуть раньше учился Эрзя. Три из четырёх скульптур Макса, хранящихся сейчас в фондах нашего художественного музея, были представлены на выставке студенческих работ в 1908 и 1909 годах, оказались замечены критикой и по инициативе его педагога Волнухина растиражированы.

Обращают на себя названия этих работ: «Смерть», «Ужас», «Последний поцелуй». Время-то было совсем не благостное. Современники запомнили и живописные работы Макса Несытова: «Кровавая пятница», «Восстание студентов в городе Ярославле» — о событиях 1905 года. Макс работал и как карикатурист, его карикатуры появлялись в сатирических журналах «Ярославская колотушка», «Метеор» (Казань), «Дубинушка», он даже был избит за них черносотенцами.

На студенческих балах, на катке в те годы стали очень популярны костюмированные балы. Костюмы Макса неизменно получали первые премии. Но и тут он оставался верен себе. Два маскарадных костюма: «Правительство — революция» и «Столп Отечества» — стали причиной его ареста. Ещё бы! Правительство олицетворяло берёзовое полено. Революцию — красный топор, которым это полено разрублено пополам. Только по ходатайству отца, человека, уважаемого в городе, арест заменили высылкой.

Макс умер от чахотки в возрасте 22 лет. Отпевали его в церкви Богоявления. Один из его

том висела у неё над столом. По утверждению родных, именно она послужила моделью скульптору Эрзе для «Женщины в шляпе».

Макс и Анна очень дружили. Не только по причине родственной привязанности, но и во многом из-за сродства интересов.

— Одарённый человек: рисовала, экспонировала свои акварели и искусственные цветы на выставках Ярославского художественного общества, — рассказывает Лебедева. — Незадолго до окончания гимназии, отказавшись от замужества, тайно покинула родительский дом и уехала в Петербург. Работала

щей женщины — в рост, почти натуральную величину. Бюст из собрания Ярославского художественного музея оказался идентичным верхней части этой скульптуры: И тут, и там безупречно переданы фамильные черты Несытовых.

Вероятно, считает она, портрет выполнен в один из приездов Анны в Москву. Сведений об этом периоде жизни Эрзи мало, что позволяет считать «Женщину в шляпе» самым ранним из его известных произведений.

Татьяна ЕГОРОВА.

(Окончание следует).

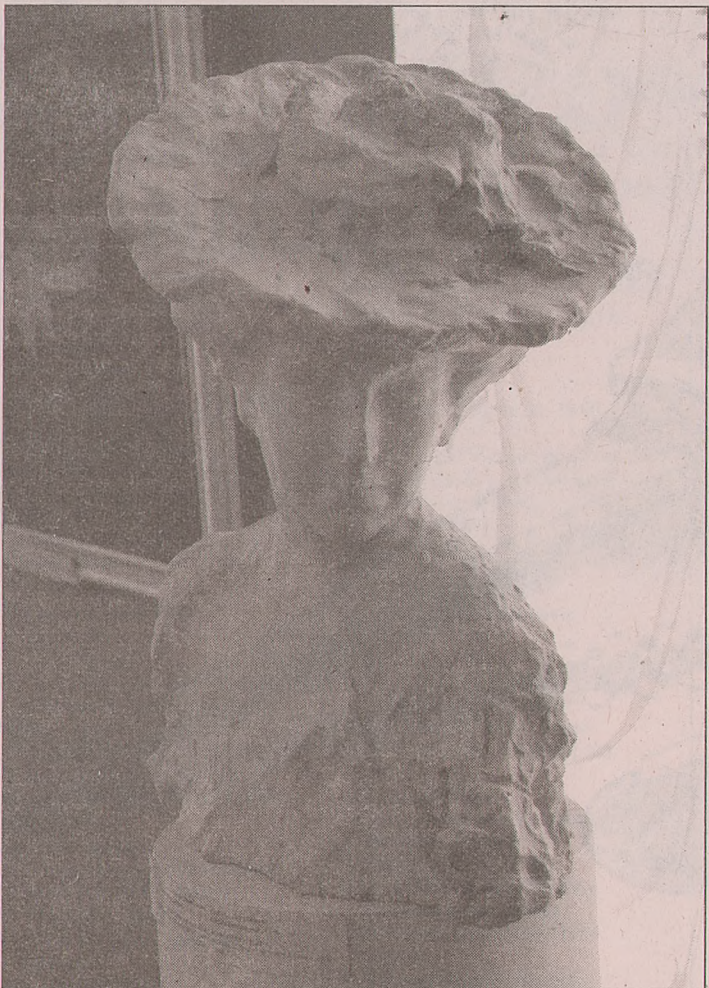

Фото Вячеслава ЮРАСОВА.